

Глава 19. Грозовая ночь

На деле же работа в церкви оказалась задачей необременительной — здесь и без того царил образцовый порядок.

Чжун Мин опустился на колени перед алтарем, бережно протирая ветошью статуи. В самом центре, склонив голову, застыла Дева Мария; складки её белоснежных одежд ниспадали подобно застывшему потоку, а на лице, исполненном немого сострадания, не было ни единой пылинки. Юноша едва касался ткани, смахивая воображаемую грязь.

Он пришел сюда сразу после ужина. Световой день неумолимо угасал, и последние всполохи заката тонули в подступающих сумерках. Тусклые лучи, пробиваясь сквозь цветные витражи, дробились на причудливые пятна, от которых в глазах начинало рябить.

Чжун Мин прикрыл веки и потер переносицу, бросив мимолетный взгляд на темнеющее небо.

Сегодня Альберт снова капризничал. Молодому господину не пришлось по вкусу блюда, приготовленные на задней кухне, и он наотрез отказывался есть, пока Чжун Мин не начал кормить его с ложечки. Вспоминая об этом, юноша устало коснулся висков. В теле разлилась тягучая истома.

В огромном соборе он был совершенно один. Мысль о том, что короткий отдых никому не повредит, казалась спасительной. Чжун Мин отложил тряпку и присел на край тяжелой дубовой скамьи. Он планировал лишь на мгновение закрыть глаза, но дремота накатила тяжелой волной. Голова мерно закивала в такт глубокому дыханию, и вскоре юноша, поддавшись усталости, растянулся на скамье и погрузился в глубокий сон.

Спустя долгое время его пробудил едва слышный шелест воды за окном.

Чжун Мин медленно открыл глаза. Тело казалось налитым свинцом, а в голове стоял тяжелый туман. Вероятно, из-за долгого сна на жестком дереве руки и ноги неприятно затекли.

Он мотнул головой, прогоняя остатки наваждения, и поднялся. Взглянув в окно, юноша невольно вздрогнул от того, насколько непроглядной стала тьма снаружи.

Время словно провалилось в бездну — ночь полностью вступила в свои права. За стенами церкви бушевал ливень, и потоки воды, стекающие по витражам, превращали мир снаружи в размытое месиво. Лишь очертания деревьев, раскачивающихся под порывами бури, напоминали о близости леса.

Слушая мерный рокот дождя, Чжун Мин внезапно ощутил, как вдоль позвоночника, от самого копчика, поднимается ледяная волна страха.

Словно некое шестое чувство подало ему знак. Юноша обернулся и столкнулся взглядом с парой угольно-черных зрачков.

Все изваяния в алтаре разительно изменились.

Кроткий взгляд Белоснежной Девы, прежде смиренно опущенный долу, теперь был устремлен прямо на него. Глаза её были широко распахнуты и залиты чернотой, которая пугающе контрастировала с бледным, почти мертвенным ликом.

Лица окружавших её святых тоже исказились в едва уловимой, но жуткой метаморфозе. Из выражений, исполненных благодати, они превратились в застывшие маски мертвенной пустоты.

От этого зрелища кровь в жилах застывала.

Чжун Мин оцепенел. Он долго не мог отвести взора от очертаний Девы Марии, пока, наконец, не заставил себя шевельнуться. Юноша судорожно выдохнул, чувствуя, как сердце колотится о ребра.

Ему казалось, что стоит лишь на секунду дольше задержать взгляд, и каменная фигура сойдет со своего постамента.

Дыхание стало прерывистым.

И тут он заметил, что росписи на стенах тоже претерпели изменения. Изыщные переплетения роз и терновника изогнулись в неестественных, ломаных формах. Присмотревшись к линиям, Чжун Мин почувствовал, как во рту пересохло.

Эти узоры больше не напоминали стебли растений. Они походили на щупальца.

В памяти мгновенно всплыло прикосновение тех скользких отростков, что обвивали его талию в кабинете Герцога. Тело пробила крупная дрожь.

Раздался оглушительный треск.

Вспышка молнии на мгновение озарила пространство храма, и Чжун Мин, затаив дыхание, увидел, как на статуях проступил зловещий багровый отсвет. Сердце пропустило удар.

Почти в то же мгновение со стороны входа донесся тихий звук, едва различимый за стеной дождя.

Чутье подсказывало: дело плохо. И действительно — спустя секунду отчетливый цокот повторился, становясь всё ближе и ближе. Чжун Мин мгновенно осознал: это звук каблучков, мерно стучащих по каменному полу.

Сюда кто-то шел.

Перехватив дыхание, юноша инстинктивно понял, что ему нужно немедленно скрыться. Он метнул взгляд по сторонам — ряды пустых скамей не давали никакого укрытия. Оставалось лишь одно место.

Дверь исповедальни захлопнулась с негромким стуком. Чжун Мин втиснулся в узкое пространство и замер, боясь даже вздохнуть.

Спустя мгновение тяжелые створки церковных дверей со скрипом отворились.

Кабинка была до того тесной, что юноше пришлось опустить голову и плотно обхватить себя руками, свернувшись в комок. Сквозь резное оконце в стенке он впился взглядом в пространство собора.

Перед его взором промелькнул край темно-синего платья. Фигура медленно прошла мимо исповедальни.

Чжун Мин узнал этот наряд — снаружи была мисс Джоан.

Тонкие каблучки выбивали дробь по камню. Пройдя мимо рядов скамей, она остановилась у самого алтаря.

Юноша плотно зажал рот ладонью, боясь выдать свое присутствие случайным выдохом.

К счастью, Джоан, казалось, ничего не заметила. Она замерла перед статуей Богородицы. Судя по тому, как едва заметно подрагивал подол её платья, она кого-то ждала.

«Кого именно?»

Чжун Мина захлестнуло необъяснимое чувство вины. Появление Джоан в церкви в столь поздний час явно было тайным. Похоже, он невольно стал свидетелем свидания, на котором ему не следовало быть.

Юноша затаился, стараясь слиться с тенью кабинки.

Внезапно раздался голос Джоан:

— Ты ведь уже здесь, не так ли?

Её слова гулким эхом отразились от сводов пустого храма:

— Господин Герцог.

Чжун Мин расширил глаза, чувствуя, как зрачки сужаются от шока. Не успел он перевести дух, как раздался ответ:

— Да.

Это был голос Герцога. Он находился в этой самой церкви!

Дрожь прошла тело юноши. Он лихорадочно всматривался в резные отверстия, но Герцога нигде не было видно. Голос звучал так, будто исходил из самого воздуха; Чжун Мин не мог определить его источник.

«Когда он пришел? Был здесь всё это время? Знает ли он, что в исповедальне кто-то прячется?»

Мириады вопросов проносились в его голове, но юноша заставил себя успокоиться. Что бы ни случилось, сейчас нельзя обнаруживать себя.

Снаружи вновь послышался бесстрастный голос:

— Зачем ты звала меня?

Джоан слегка переступила с ноги на ногу, и в её интонациях проскользнули насмешливые нотки:

— Господин Герцог, неужели вы даже не поприветствуете меня?

Её слова повисли в тяжелом воздухе. Ответа не последовало.

Чжун Мин нахмурился, уловив странный подтекст в этой беседе. Отношение Герцога к Джоан казалось удивительно холодным. Особенно если сравнивать с тем почтением, которое он проявлял к госпоже Мэри.

Но Джоан, очевидно, это ничуть не задевало. Она негромко рассмеялась и сама продолжила разговор:

— У Альберта начало формироваться самосознание. Он растет удивительно быстро.

Герцог промолчал, выказывая полное безразличие к успехам собственного сына.

Услышав это, Чжун Мин немного расслабился. Значит, они просто обсуждают состояние молодого господина. Похоже, он зря накручивал себя.

Однако, как гласит народная мудрость, не стоит радоваться раньше времени. В следующее мгновение воздух словно застрял у него в горле.

— Похоже, сейчас он питает к Чжун Мину весьма специфические чувства, — Джоан говорила неспешно, смакуя каждое слово. — Судя по моим наблюдениям, Альберт начал воспринимать Чжун Мина как некую «материнскую фигуру».

В своей тесной камерке юноша едва не прикусил язык от изумления. Лишь нечеловеческим усилием воли он заставил себя не издать ни звука.

— Вероятно, из-за эмоционального вакуума в процессе его роста, подсознание Альберта отчаянно ищет кого-то, кто мог бы заполнить эту пустоту, — она помедлила. — К тому же, Сяо Чжун действительно... слишком уж нежен.

На слове «нежен» она сделала многозначительный акцент.

Услышав свое имя, Чжун Мин инстинктивно попытался еще глубже вжаться в угол исповедальни.

И тут заговорил Герцог:

— Мать ему не нужна.

Голос его был спокоен, но слова веяли могильным холодом и отчужденностью.

— Как монстру — разумеется, не нужна, — с легкой улыбкой отозвалась Джоан. — Но чтобы стать человеком, ему необходимы чувства. Для развития мальчика женская роль, подобная материнской, имеет критическое значение.

Она говорила тоном стороннего, объективного наблюдателя. Затем, выдержав паузу, Джоан бросила фразу, от которой у Чжун Мина всё перевернулось внутри:

— Разве не вы всегда желали, чтобы Альберт смог заменить вас?

Слова Джоан выходили за рамки понимания Чжун Мина. Его ресницы мелко дрожали, а в душе бушевал шторм.

«Альберт — монстр? Но маленький господин, если не считать его чрезмерной холодности, казался обычным ребенком. И что значит "заменить Герцога"? Стать наследником титула?

Или же... — Чжун Мин нахмурился. — Альберт должен заменить Герцога и стать новым боссом этой копии в Доме Ужасов?»

Пока он терялся в догадках, вновь раздался голос Герцога:

— Я когда-то надеялся, что эту роль займешь ты.

Джоан вздохнула, и в её голосе послышалось напускное сожаление:

— Но Альберт выбрал Чжун Мина. Мне искренне жаль, что я не оправдала ваших ожиданий, господин Герцог.

Несмотря на слова извинения, в её тоне не было ни капли раскаяния — лишь едва скрытый вызов:

— Впрочем... в конечном счете, я ведь даже не женщина.

Это признание прозвучало как разорвавшийся снаряд. В ту же секунду синее платье соскользнуло с её плеч. С тихим шорохом шелк опал к ногам, грудой дорогой ткани накрыв холодные плиты, и обнажил бледное, мускулистое мужское тело.

«Она... нет, он — прямо здесь, в святых стенах собора, разделся догола!»

Раздался тяжелый металлический лязг.

Сквозь резное оконце Чжун Мин увидел, как на пол упал железный корсет. Тяжелая конструкция, весившая не один килограмм, с грохотом ударилась о камень, поблескивая в полумраке холодным металлом.

Юноша замер, не в силах поверить своим глазам.

Лунный свет, пропитанный багрянцем грозового неба, озарил фигуру Джоана. Он закинул голову, золотистые пряди волос рассыпались по плечам. Грудь его была абсолютно плоской.

— Ах... так-то лучше.

Он раскинул руки, словно приветствуя луну. Мускулы на его плечах и спине перекачивались под кожей при каждом движении. Только сейчас Чжун Мин осознал, что Джоан вовсе не был хрупким — всё это время он насильно втискивал свое тело в тиски корсета, чтобы имитировать изящные женские изгибы.

Джоан размял шею, и в тишине собора отчетливо послышался хруст позвонков. Он удовлетворенно выдохнул, резким движением сбросил туфли и, оставшись босым на ледяном полу, подошел к алтарю. Его взгляд блуждал по сторонам, словно пытаясь нащупать незримое присутствие хозяина дома.

— Господин Герцог, ну где же вы?

Вся его прежняя сдержанность и холодность слетели вместе с одеждой. В голосе проступила пугающая агрессия:

— Я стольким пожертвовал ради вас. Неужели я не заслужил хоть какой-то награды?

Ему никто не ответил.

Чжун Мин, до боли сжав челюсти, тоже лихорадочно оглядывал пространство храма, пытаясь понять, где скрывается Герцог.

Но едва он повернул голову, как краем глаза заметил нечто в самой кабинке.

Исповедальня состояла из двух отсеков, разделенных перегородкой с небольшим резным окошком для общения пастора и прихожанина. В спешке юноша даже не подумал проверить, пустует ли соседняя кабина.

И теперь он с ужасом осознал: прямо на оконце, разделявшем две половины, неподвижно покоилось щупальце.

<http://bllate.org/book/15849/1436123>